

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О СВОБОДЕ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Автор обращается к проблеме понимания свободы как одной из сложнейших не только в юриспруденции, но и в философии, социологии, теологии, политологии и других гуманитарных науках, что требует комплексного междисциплинарного подхода к ее научному исследованию. Данная категория многогранна, полисемантическая. В этой связи научный анализ общетеоретической проблемы свободы должен опираться вначале на этимологию рассматриваемого термина. Автором критически рассматриваются взгляды наиболее авторитетных немецких и русских философов права (И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, И. Г. Фихте, Б. Н. Чичерина, Е. Н. Трубецкого, В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева, Н. А. Бердяева) на данный феномен, чтобы выявить имманентно присущие характеристики и научные определения исследуемого явления.

In article the author addresses to a problem of understanding of freedom as one of the most difficult not only in law, but also in philosophy, sociology, theology, political science and other humanities that demands integrated interdisciplinary approach to its scientific research. This category is many-sided and polysemantic. In this regard the scientific analysis of a general-theoretical problem of freedom has to rely on etymology of this term in the beginning. Views of the most authoritative German and Russian philosophers of law (I. Kant, G. W. F. Hegel, J. G. Fichte, B. N. Chicherin, E. N. Trubezkoy, B. S. Solovjev, P. I. Novgorodzev, N. A. Berdjaev) are critically considered on this phenomenon to reveal immanently inherent characteristics and scientific definitions of the studied phenomenon.

Проблема свободы – одна из центральных не только в юриспруденции (общей теории права и государства, отраслевых юридических дисциплинах), но и в философии, социологии, политологии и ряде иных социально-гуманитарных наук. Свобода многогранна и тесно связана с деятельностью индивидов, но не только с ней, но и с активностью ассоциаций граждан (профессиональных союзов, политических партий, общественных объединений) и даже объединений нанимателей (работодателей), большинство из которых имеют статус юридических лиц. Обратимся вначале к этимологии этой категории.

Идея свободы в классической немецкой философии

И. Кант в «Критике чистого разума» (1787), обращаясь к трансцендентным идеям, пишет, что «цель исследований метафизики – это только три идеи: Бог, свобода и бессмертие, причем второе понятие, связанное с первым, должно приводить к третьему понятию как к своему необходимому выводу» [1, с. 426]. Анализируя антитезис о том, что «нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы», И. Кант приходит к выводу, что «трансцендентальная свобода противоположна закону причинности и представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при которых невозможно никакое единство опыта и которого, следовательно, нет ни в одном опыте; стало быть, она есть пустое порождение мысли» [1, с. 491]. В «Основах метафизики нравственности» (1785) И. Кант видит в понятии свободы ключ к объяснению автономии воли. Причем свободу он определяет в нескольких смыслах: в негативном – как способность действовать независимо от посторонних определяющих сил; в положительном – как причинность по отношению к неизменным законам, то есть свободная «воля есть во всех своих поступках сама для себя закон» [2, с. 104–105]. Свободу И. Кант трактует как «свойство воли всех разумных существ», развивая это следующими словами: «Каждому разумному существу, обладающему волей, мы

необходимо должны приписать идею свободы и что оно действует, только руководствуясь этой идеей» [2, с. 106]. В конечном счете сам И. Кант сводит понятие нравственности к идее свободы, а «категорические императивы возможности благодаря тому, что идея свободы делает меня членом умопостигаемого мира» [2, с. 111]. Идея свободы находилась в центре внимания И. Канта в его «Критике практического разума» (1788). Неслучайно основной закон чистого практического разума, или, иными словами, категорический императив, формулировался так: «Поступай так, чтобы максима своей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [2, с. 147]. Далее философ разъясняет, что «моральный закон выражает не что иное, как автономию чистого практического разума, то есть свободы, и эта свобода сама есть формальное условие всех максим, только при котором и могут они быть согласны с высшим практическим законом» [2, с. 150]. Как видим, концепция всеобщего правового закона с его нравственным наполнением во многом была построена в русле естественно-правовой теории правопонимания, а ключевое значение в трактовке права имела внешняя свобода лица. При этом в концепции И. Канта происходило определенное смешение закона нравственного и юридического.

Взгляды еще одного представителя классической немецкой философии **И. Г. Фихте** на свободу, основанные на субъективном идеализме, проиллюстрируем следующей его цитатой из книги «Назначение человека»: «Свобода, как я ее сейчас требовал, мыслима только в разумных существах, но в них она несомненно мыслима. И при этом предположении человек и природа вполне понятны. Мое тело и моя способность действовать в чувственном мире есть так же, как в предыдущей системе, проявление ограниченных сил природы, и мои естественные склонности суть отношения этого проявления к моему сознанию» [3, с. 26]. В учении данного философа свобода предстает как переплетение индивидуальных сил личности и иных сил (в том числе сил природы), что приводит его к выводу

о том, что лишь в отдельных событиях жизни человек является свободным и вообще находит себя самостоятельным существом [3, с. 17]. Любопытно, что уже в первой теореме в дедукции понятия о праве И. Г. Фихте оперирует категорией свободы: «Конечное разумное существо не может полагать себя, не приписывая себе свободной действительности» [4, с. 20]. Причем ученый определяет всякое правоотношение следующей формулой: «Пусть каждый ограничивает свою свободу возможностью свободы другого» [4, с. 108], из которой вытекает, что «моя свобода ограничивается свободой другого только при условии, что он сам ограничивает свою свободу понятием о моей свободе» [4, с. 111]. Данный тезис И. Г. Фихте очень близок к категорическому императиву И. Канта.

В фундаментальном труде **Г. В. Ф. Гегеля** «Философия права» находим рассуждения, затрагивающие проблему идеи свободы и ее значения для права. В отличие от И. Г. Фихте, который трактовал свободу в субъективно-идеалистическом ключе (через Я, его личностные самоограничители), у Г. Гегеля с позиций объективного идеализма свобода лица — это еще не право. Вот как об этом пишет философ: «Дальнейшая трудность проистекает из того, что человек мыслит и ищет в мышлении свою свободу и основания нравственности. Это право, сколь оно ни возвышено, ни божественно, превращается, однако, в неправое (Unrecht), и если мышление состоит лишь в том, что знает себя свободным только тогда, когда отступает от общепризнанного и значимого и может изобрести для себя нечто особенное» [5, с. 47].

Г. Гегель писал: «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой — воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [5, с. 67]. При этом Г. Гегель достаточно широко трактовал право и его формы: «Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы... Моральность, нравственность, государственный интерес каждое в отдельности представляют собой особое право, так как каждая из этих форм есть определение и наличное бытие свободы» [5, с. 90]. В другом месте философ вводит категорию свободы в определение нравственности: «Нравственность есть *идея свободы*, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, воление, а через его действие свою действительность, равно как самосознание имеет в нравственном бытии свою в себе и для себя сущую основу и движущую цель; нравственность есть *понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания*» [5, с. 200]. Таким образом, для Гегеля право как самосознающая свобода проявляет себя в различных формах и связывается и с правом, и с нравственностью. Недостаток этого подхода можно усмотреть в смешении нравственных и правовых регуляторов, хотя в идеале право должно отражать нравственные устои общества. Теоретически это может произойти при отражении идей естественного права, соответствующих уровню нравственного развития общества, в позитивном праве. К сожалению, в действительности

это далеко не всегда достижимо, но к этому идеалу следует стремиться, равно как к верховенству правового закона и построению правового государства.

Свобода в русской философии права конца XIX — начала XX в.

Интересны рассуждения о соотношении права и свободы авторитетнейшего русского юриста-теоретика второй половины XIX в. **Б. Н. Чичерина**, изложенные в его крупной работе «Философия права», который считал, что «свобода есть корень и источник всех прав» [6, с. 95]. К понятию права ученый подходит в классическом ключе, различая право субъективное и объективное, причем в определении их обеих сущностную роль отводит свободе: «Субъективное право определяется как нравственная возможность, или, иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов дает нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом. И в том и в другом смысле речь идет только о внешней свободе, проявляющейся в действиях, а не внутренней свободе воли; поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом» [6, с. 80]. С одной стороны, следует принципиально согласиться с Б. Н. Чичериным, что формальная свобода представляет собой одну из сущностей права, как субъективного, так и объективного. Хотя и не единственную. Есть еще начала формального равенства, справедливости и гуманизма, которые также, на наш взгляд, характеризуют сущность права. С другой стороны, сведение всего права к внешней свободе человека, определяемой общим законом, представляет собой несколько упрощенный взгляд на этот сложный феномен. Ведь источники права не сводятся только к законам, законы (а шире — акты законодательства) бывают неправовые, они принимаются вопреки или с нарушением идей всеобщей свободы, формального равенства, справедливости и гуманизма, а следовательно, такие установления закона правом в строгом смысле не являются. Интересны рассуждения Б. Н. Чичерина о соотношении свободы и равенства: «Как свободные лица, люди равны, но проявления этой свободы бесконечно разнообразны. Одни приобретают больше, другие меньше; одни умеют пользоваться приобретенными благами и умножают свое достояние, другие, напротив, его расточают; одни пролагают новые пути, а другие только следуют издали. Свобода естественно и неизбежно ведет к неравенству, а потому, признавая свободу, мы не можем не признать вместе с тем и этих вытекающих из нее последствий» [6, с. 89–90]. Заметим, что в этих рассуждениях Б. Н. Чичерин вовсе не доказывает противоречия между такими сущностными характеристиками права, как всеобщая свобода и *формальное* равенство. Внешняя свобода создает условия лишь для *фактического* неравенства, которое неизбежно, как смена погоды или процесс старения организма. Внешняя свобода лица никоим образом не нарушает формального равенства его в отношениях с другими лицами. Наоборот, нарушение принципа юридического равенства (например, в случае дискриминации) ведет к отступлению от идеи всеобщей свободы,

поскольку одним лицам (к примеру, феодалам, дворянам) в ущерб другим (феодално зависимым крестьянам, простолудинам) предоставляются привилегии, так как объем их правоспособности (гражданские и политические права, в том числе право на занятие государственных должностей) у первых шире, чем у вторых.

Как писал **В. С. Соловьев** в своей работе «Право и нравственность», «в основе права лежит свобода как характеристический признак личности, ибо из способности свободы вытекает требование самостоятельности, то есть ее признание другими, которое и находит свое выражение в праве. Но свобода сама по себе, а именно как свойство лица в отдельности взятого, еще не образует права, ибо здесь свобода проявляется лишь внешним образом, как фактическая принадлежность личности, совпадающая с ее силой. Предоставленный самому себе, я свободно действую в пределах своей силы: о праве здесь не может быть и речи. Нет права и в том случае, когда мое действие сталкивается с таким же свободным действием другого, причем дело решается перевесом сил. Но если я проявление своей свободы ограничиваю, или обуславливаю признанием за другим такой же принципиальной свободы, или признаю его за такое же лицо, как я сам, то таким признанием я делаю свою свободу обязательной для него и превращаю ее в свое право... Таким образом, моя свобода, как право, а не сила только, прямо зависит от признания равного права всех других. Отсюда мы получаем основное определение права: *право есть свобода, обусловленная равенством*. В этом основном определении права индивидуалистическое начало свободы неразрывно связано с общественным началом равенства, так что можно сказать, что право есть не что иное, как *синтез свободы и равенства*» [7, с. 17–18]. Обратим внимание, что и в основу либертарной концепции правопонимания В. С. Нерсисянца, появившейся в конце XX в., были положены схожие идеи о взаимообусловленности права, свободы и равенства. В другом месте тот же философ пишет: «Свобода есть необходимый субстрат или подлежащее права, а равенство – его необходимая форма. Отнимите свободу, и право становится своим противоположным, то есть насилием» [7, с. 20].

Полемизируя с представителем «старой юридической школы» Б. Н. Чичериным, другой известный русский философ права **П. И. Новгородцев** писал в одной из своих работ: «Задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы; без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. Таким образом, именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления...» [8, с. 322–323]. Как видим, ученый обращает внимание по сути на необходимость юридических гарантий со стороны государства в осуществлении предоставленных гражданам прав и свобод. Действительно, мало провозгласить право на труд, свободу труда и даже право на достойное человека существование, государство должно юридически гарантировать возможность реализации этих прав и свобод. Любопытно, что из права на достойное че-

ловека существование как общего принципа П. И. Новгородцев выводил его частные юридические следствия: право на труд, широкое допущение профессиональных союзов (по современной терминологии – право на объединение) и обязательное общественное и государственное презрение лиц беспомощных и неспособных к труду (в современном понимании – право на социальную защиту, социальное обеспечение) [8, с. 324–327]. По существу данный мыслитель предвосхитил окончательное формирование отрасли трудового права и будущее отпочкование от нее права социального обеспечения.

О тесной связи права и внешней свободы хорошо писал еще один русский философ права **Е. Н. Трубецкой**: «Свобода как субъективный, личный элемент права не исчерпывает собой его сущности. Мы видели, что право неразрывно связано не только с существованием отдельного лица, но и существованием общества. Поэтому наряду с личным элементом свободы право заключает в себе другой – общественный – элемент: правило поведения или норму, ограничивающую свободу отдельного лица. Этот элемент – ограничение свободы нормою – представляет собой столь же существенный признак права, как и сама свобода» [9, с. 20]. На основе данного концептуального подхода, убедительно доказанного на примерах, Е. Н. Трубецкой формулирует следующие определения права: «*Право есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой. Или, что то же самое: право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях*» [9, с. 21]. В этих доктринальных дефинициях ученый попытался объединить объективное и субъективное в праве. И ему это во многом удалось. Но при этом остался открытым вопрос: только ли к внешней свободе лиц, ограниченной нормой, сводится право или существуют и иные сущностные его проявления? Ответ на него дает частично теория справедливости Дж. Ролза [10] и более полно и системно либертарная концепция правопонимания В. С. Нерсисянца [11], относящиеся ко второй половине XX в.

Философско-религиозная трактовка свободы была представлена в трудах **Н. А. Бердяева**. В книге «Философия свободного духа» ученый следующим образом характеризует значение свободы для своего религиозного искания: «Свобода привела меня ко Христу, и я не знаю других путей ко Христу, кроме свободы» [12, с. 16]. По существу идея свободы в мистическо-религиозном осмыслении действительности стала квинтэссенцией многих работ Н. А. Бердяева. Так, в предисловии к своей работе «Философия свободы» (1911) он пишет: «В основе „философии свободы“ лежит деление на два типа мироощущения и мироотношения – *мистический* и *магический*. Мистика пребывает в сфере свободы, в ней – трансцендентный порыв из необходимости естества в свободу божественной жизни. Магия еще пребывает в сфере необходимости, не выходит из заколдованного естества... Философия свободы есть философия богочеловечества» [13, с. 5]. Много внимания идее свободы уделено в произведениях Н. А. Бердяева «О назначении человека», «О рабстве и свободе человека» [14]. Обращаясь к проблеме бытия и свободы, философ емко отмечает, что

«царство свободы есть царство духа» [14, с. 72] и далее развивает свою мысль по отношению к человеку: «Человек был признан рабом бытия, которое его целиком детерминирует, он не свободен в отношении бытия, сама его свобода порождена бытием» [14, с. 72–73]. Н. А. Бердяев констатирует примат свободы над бытием и, соответственно, примат духа над бытием. Интересны также рассуждения философа о Боге и свободе: «Бог есть свобода, Он есть освободитель, а не господин. Бог дает чувство свободы, а не подчиненности. Бог есть дух, дух же не знает отношений господства и рабства... Не Бог поработил человека, Бог есть освободитель...» [14, с. 80].

Выводы

Подводя итоги проведенному научному анализу взглядов немецких и русских философов права конца XVIII – начала XX в. на феномен свободы, сформулируем определенные итоговые выводы в отношении трактовки свободы, имеющие современное значение.

– Свобода – это одна из фундаментальных категорий, имеющая прямое отношение к онтологии (учению о бытии), аксиологии (учению о ценностях) и социальной философии (учению о человеке и обществе).

- Свобода дана человеку от рождения.
- Свобода не тождественна вседозволенности, она суть возможность действовать в определенных рамках, ограниченных правом и моралью.
- Свобода индивида заканчивается там, где начинается свобода другого лица.
- Право регулирует внешнюю свободу лица, а мораль и религия – прежде всего внутреннюю сторону его свободы.
- Свобода есть мерило правового характера законодательства, то есть такая ценность, которой должны соответствовать нормативные правовые акты, изданные государством.
- Свобода является одним из имманентно присущих объективному праву признаков наряду со справедливостью, формальным равенством и гуманизмом.
- Свобода суть сердцевина субъективного права, то есть мера возможного поведения лица в пределах, очерченных объективным правом.
- Свобода выступает противоположностью принуждению, лишению и ограничению прав, рабству, крепостничеству, иной форме принудительного или обязательного труда.
- Свобода – это самопознанный лицом масштаб возможного поведения, не нарушающего права и законные интересы других лиц.
- Свобода воли есть свойство человека, данное ему Богом.

Список использованных источников

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. — Минск : Фирма «Литература», 1998. — 959 с.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. — СПб. : Наука, 2007. — Изд. 3-е. — 528 с.
3. Фихте, И. Г. Назначение человека / И. Г. Фихте ; пер. с нем. ; под ред. Н. О. Лосского. — СПб. : Тип. Монтвида, 1905. — 133 с.
4. Фихте, И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / И. Г. Фихте ; пер. с нем. А. К. Судакова. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. — 392 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; ред.-сост.: Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц ; пер. с нем. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
6. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. — СПб. : Наука, 1998. — 656 с.
7. Соловьев, В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев. — Минск-М. : Харвест, АСТ, 2001. — 190 с.
8. Новгородцев, П. И. Сочинения / П. И. Новгородцев; сост., вст. ст. и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. — М. : Раритет, 1995. — 448 с.
9. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. — СПб. : Изд-во «Лань», 1999. — 224 с.
10. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — 535 с.
11. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. — М. : ИНФРА-М : НОРМА, 1997. — 647 с.
12. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев ; вст. ст. А. Г. Мысливченко. — М. : Республика, 1995. — 480 с.
13. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 351 с.
14. Бердяев, Н. А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. — М. : АСТ, 2006. — 637 с.

17.09.2014